

Леонид Андреев

**Сказочки не совсем для
детей**

Леонид Николаевич Андреев

Сказочки не совсем для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146737

Аннотация

«Жила-была в зеленом лесу прехорошенькая белочка, и все ее любили. И летом белочка была рыженькая, а зимою, когда вокруг все белело, и она одевалась во все белое – такая модница и раскрасавица! И зубки у белочки были беленькие, остренькие, чудесные грызуночки, коловшие орехи, как щипцами. Но, к несчастью, белочка была благоразумна, – да, да, благоразумна! – и вот что из этого вышло, какое горе, какое несчастье: в зеленом лесу до сих пор все плачут, когда вспоминают эту печальную историю...»

Содержание

Орешек	4
Негодяй	7
Фальшивый рубль и добрый дядя	10
Земля	12
I	12
II	14
III	17
Храбрый волк	20

Леонид Андреев

Сказочки не совсем для детей

Орешек

Жила-была в зеленом лесу прехорошенькая белочка, и все ее любили. И летом белочка была рыженькая, а зимою, когда вокруг все белело, и она одевалась во все белое – такая модница и раскрасавица! И зубки у белочки были беленькие, остренькие, чудесные грызуночки, коловшие орехи, как щипцами. Но, к несчастью, белочка была благоразумна, – да, да, благоразумна! – и вот что из этого вышло, какое горе, какое несчастье: в зеленом лесу до сих пор все плачут, когда вспоминают эту печальную историю.

Пролетал над лесом ангел с белыми крылами и увидел он белочку своими зоркими глазами, и так она ангелу понравилась, что решил он сделать белочке подарок: полетел в райские сады и сорвал там золотой орешек, какие бывают только на Рождество на елке, и принес его белке-беляночке.

– Вот тебе орешек, милая беляночка, – сказал ан-

гел, – скушай его, пожалуйста, он прямо из райского сада.

– Благодарю вас, – вежливо ответила белочка, – я его потом скушаю, когда вы улетите.

Ангел доверчиво улетел, а белочка стала размышлять, и вот что она придумала: «Ну хорошо, ну съем я орешек, а дальше что? Нет, лучше спрячу-ка я этот райский орешек, а когда придет в моей жизни черный день и трудно мне станет добывать пищу, тогда я орешек и скушаю: всегда нужно быть благоразумным, нерасточительным и бережливым».

Так прошло много лет и много зим, и не раз белочка соблазнялась золотым орешком и даже плакала от аппетита, но кушать все-таки не стала – да, да, не стала! Но вот наступили в белочкиной жизни и черные дни: состарилась она, ножки скрючило от ревматизма, головка дрожит от слабости, и уж не греет беленькая шубка, потертая, облезлая, скверная-прескверная.

– Вот когда я орешек-то скушаю, – сказала старушка-белочка, томимая голодом, и достала из-под сухих листьев свое сокровище. Взяла в лапки и полюбовалась. Полюбовалась и в ротик положила, в ротик положила – а разгрызть-то и не могла: зубок-то уж не было у белочки – да, да, не было!

Пролетал над белым лесом ангел с белыми крылами и видит: лежит под деревом, лежит под большим

деревом мертвая белочка-старушка в облезлой шубке, а в лапочках у нее золотой орешек, орешек из райского сада.

Нравоучение. Когда дают тебе, Коля, орешек, то тут же ты его и кушай.

Негодяй

У хорошего мальчика Пети была очень хорошая мама, которая постоянно его учила и образовывала. И жили они в большом доме, а во дворе гуляли гуси и куры: куры несли им яички, а гусей они кушали. И, кроме того, жил еще во дворе маленький теленочек, которого все любили и в шутку звали Васенькой, и этот теленочек рос для того, чтобы сделать из него для хорошего мальчика Пети котлетки.

Вот раз мама и повела Петю на скотный двор и стала его учить. Говорила так:

– Видишь, Петенька, какой хороший теленочек, – погладь его.

И Петенька его погладил, а теленочек-то и рад, думает: дай, кстати, молочка себе попрошу. Что ж! и молочка ему дали.

– Вот, смотри, Петенька, – учила мама, – теперь он молочко пьет, а потом мы из него котлетки тебе сделаем, если ты будешь хороший и послушный.

Петечка же шаркнул ножкой и сказал:

– Благодарю моих наставников и родителей за их неусыпные обо мне заботы. Но я хотел бы знать, дорогая мама, из какого места в теленочке делаются котлетки?

Тогда мама очень обрадовалась, что сын у нее такой любознательный и умный, и начала ручкой на теленке показывать:

– Смотри, Петенька, и запоминай: вот из этого места, что под ребрышком, мы сделаем тебе котлетки с косточкой, – ты любишь котлетки с косточкой?

– Я люблю все то, дорогая мама, что ты даешь мне по твоей доброте, – ответил Петечка.

А глупый теленок слушал их и думал очень глупо, по-телячьи: «Боже мой, что они такое говорят, ведь мне становится прямо-таки страшно».

Поцеловала мама своего Петечку и так продолжала его учить:

– А вот из этого местечка мы сделаем тебе рубленные котлеточки. А из его язычка, – покажи нам, теленочек, твой язычок, – мы сделаем холодное с хреном; а из мозгов и ножек мы сделаем заливное, а из...

Но Петя перебил ее и сказал:

– Я знаю, дорогая мама: из хвостика мы сделаем кнудик.

Мама засмеялась и похвалила Петечку, что он так умен, и они пошли домой пить чай с коровкиным молочком. А глупый теленок Васенька так напугался от этого разговора, что весь трясется и думает глупо, по-телячьи: «Боже мой, кажется, они хотят меня съесть, и это прямо-таки ужасно! Нет, лучше убегу я в лес и

там спасусь».

Но тут проснулась в нем совесть и говорит ему твердым голосом:

– Какой же ты негодяй! Из тебя должны сделать для хорошего мальчика Пети котлеточки, а ты хочешь убежать: это прямо-таки подло.

Но не послушался Васенька голоса совести своей, порвал веревку и убежал в лес: спастись, дурачок, думал. А в лесу-то, – а в лесу-то волки-то его и съели! Ага! – волки-то его и съели. Рассчитывал, негодяй, спастись, а про волков-то и забыл!

Нравоучение для телят. Негодяй! Не бегай, тебя все равно съедят волки.

Фальшивый рубль и добрый дядя

Это был ужасно добрый дядя: видеть не мог, когда кто-нибудь плачет или огорчается, или чего-нибудь хочет: сейчас же поможет. Такой был добрый дядя, что ни одна тетя не может быть добрее. Вот раз пошел он на пароходную пристань на Неве, чтобы переехать на другую сторону, стоит себе, ждет парохода и всех ласково рассматривает. И вдруг видит маленького плачущего мальчика: стоит маленький мальчик и плачет, катятся слезы по лицу, и каждая слеза такой величины, что можно сразу наполнить ведро. Обеспокоился добрый дядя и спрашивает:

– О чем ты, мальчик, так горько плачешь?

И ответил мальчик, продолжая плакать:

– Вот о чем я плачу, добрый дядя: дал мне старший брат рубль, чтобы я на ту сторону домой поехал, а рубль-то оказался фальшивым. И никто его не берет, и должен я теперь погибнуть, если вы меня не спасете.

Подумал-подумал добрый дядя и сказал:

– Решил я тебя, мальчик, спасти, и вот тебе настоящий серебряный рубль, бери его, не бойся. Мне же

отдай твой фальшивый рубль, каковой я постараюсь сбыть, если на то будет воля Провидения, видевшего мою доброту.

Так они и поменялись: мальчик взял настоящий рубль, а доброму дяде дал фальшивый. И поехал мальчик на ту сторону домой, а добрый дядя зашел в лавочку и сказал:

– Дайте мне, пожалуйста, десяток папирос в шесть копеек.

И дал ему лавочник десяток папирос, а дядя в обмен вручил фальшивый рубль, думая с некоторым опасением, что сейчас лавочник закричит «караул!» и позовет городского. Но лавочник был стар, глух и слеп и вообще совсем дурак: взял фальшивый рубль за настоящий и дал доброму дяде девяносто четыре копейки сдачи. И пошел дядя, куда ему надо было, и всю дорогу радовался своей добротой, и со слезами в душе благословлял мудрое Провидение.

Нравоучение для фальшивомонетчиков. Когда нужно сбыть фальшивый целковый, то не давайте его ребенку, а дайте доброму дяде: он сбудет.

Земля

I

Призвал Всеблагий ангела в белых одеждах и говорит ему:

– Преклони ухо твое к земле и послушай. И когда услышишь нечто, скажи.

Долго слушал ангел и отвечал:

– Слышу я как бы плач. Плачет земля. И слышал я как бы крик, вопли и стон, голоса детские. Страдает земля. И слышал я хохот глумливый, визги сладострастия и ворчание убийц. Грешит земля. И страшно тому, кто на земле живет.

Сказал Всеблагий:

– Многих из белого стада Моего посылал Я на землю, и доселе никто еще не вернулся. Жду Я их напрасно и плачу от горести, а их все нет, а земля все стонет, и потускнели Мои звездные ночи. Жалко Мне тебя, но настал ныне твой черед: лети на землю, обернись человеком и, ходя меж людей, узнай, что им нужно. От болтунов бегай, но молчащих не оставляй, доколе не заговорят; и слова их храни бережно, как жемчуг. С веселыми детишками поиграй, но есть дети печальные,

у которых личико мало и бледно, а глаза огромны и темны; которые не смеются и не играют, не знают забав, свойственных их возрасту; которые печалью своей устрашают даже Бога; и тем детям отдай твою любовь и милость ангельскую. А Я буду ждать тебя с волнением, задержу потемнение звезд и свет их светом надежды Моей умножу.

Принял ангел благословение и покорно низринулся на страшную и чуждую землю, сверкнув белыми одеждами. В ту ночь на земле была гроза и буря, и много людей погибло под развалинами домов, в морской пучине. И молнии сверкали...

II

Вот и вернулся ангел, сверкнул белыми одеждами и стал покорно в ожидании вопросов. Обрадовался Всеблагий и для торжества повелел возгореться многим новым кометам: пусть сияют полукружием. И еще то понравилось Всеблагодому, что так белы и светлы одежды ангельские. С этого и начал Он вопросы:

– Меня радует твой вид, воистину достойный неба; но скажи Мне, миленький, – или на земле совсем нет грязи? На одеждах твоих Я не вижу ни единого пятнышка.

Ангел ответил:

– Нет, Отец, на земле очень много грязи, но я избегал прикосновения к ней и оттого и не запачкался.

Нахмурился Всеблагий и спрашивает с сомнением:

– Но неужели на земле перестали лить красную кровь? – На твоих одеждах нет ни единого пятнышка, и белы они, как снег.

Ангел ответил:

– Нет, Отец, льется на земле красная кровь, но я избегал соприкосновения с ней, и оттого я так чист. И так как нельзя, ходя меж людей, избежать грязи и крови ихней и не запачкать одежд, то на самую землю я не спускался, а летал на небольшой высоте, оттуда

посылая улыбки, укор и благословения...

Сказал Всеблагий:

– Таким образом очень трудно узнать, что надо людям. Но, может быть, ты все-таки узнал?

Ангел ответил:

– Нет, Отец. Главным образом я сам им рассказывал, как надо жить, чтобы не было страданий, слез и грязи; но плохо они слушают. Отец, грязны они по-прежнему, как животные, и надо их всех истребить, по моему мнению.

– Ты так думаешь?

– Да, Отец. И не то еще плохо, что сами они денно и ночью, бранясь и плача, наравне клянясь Тобою и дьяволом, месят кровавую грязь, но то ужасно, возмутительно и недопустимо, что ангелов Твоих, Тобою посланных, чистых агнцев белого стада Твоего, запятнали они до неузнаваемости, грязью забрызгали и кровью залили, приобщили к грехам своим и преступлениям.

– Ты их видел?!

– Увы! – видел, Отец. Но не поклонился и даже сделал вид, что не узнал, ибо многие из них были даже не трезвы и вели буйные, соблазнительные речи, совершали неподходящие и даже зазорные поступки.

– Где же ты их видел, миленький?

– Даже сказать стыдно, Отец. Видел я их в кабаках

и тюрьмах, где питаются они из общего котла с ворами и убийцами; видел я их среди прелюбодеев, журналистов и всякого рода грешников. Что с одеждами их случилось, рассказать невозможно: не только утрачен ангельский фасон, но в клочья изорвана материя, и цвет почти неразличим: стремясь к аккуратности, накладывают они латки других цветов, даже красные. Слышал я стороною, что многие из них тоскуют о небе и будто бы даже имеют рассказать нечто, но в таком виде страшатся возвращения. Однажды ночью, при дороге, увидел я спящего бродягу; был он пьян и бредил, и узнал я в нем ренегата, одного из посланных Тобой с доверием; и вот что я подслушал среди бессвязных и кощунственных выкриков его: «Горько мне без неба, которого я лишен, но не хочу быть ангелом среди людей, не хочу белых одежд, не хочу крыльев!» Буквально так и говорил, Отец: «Не хочу крыльев!»

III

Так рассказывал ангел, расправляя белоснежные перышки, и ждал великой похвалы за свою чистоту и мудрую осторожность. А вместо того великим и страшным гневом разгневался Отец и предал чисто-плотного ненарушимому и вечному проклятию. Когда затихли громы слов Его и молнии очей смягчили мало-помалу свой ужасающий блеск, перешел Всеблагий к тихой речи и сказал:

– Ступай отсюда и не возвращайся, пока духом и телом твоим не приобщишься к страдающему человеку. Пойми и запомни, миленький, что белая одежда обязательна для тех, кто никогда еще не покидал неба; но для тех, кто был на земле, такая вот чистенькая одежда, как у тебя – срам и позор! Себя, я вижу, ты берег в высокой мере, а людей, к которым послан, не берег, и противен ты Мне за это. Ступай поскорее, а то опять громы подступают к груди. И когда ты увидишь на земле тех, прежних посланцев Моих, что боятся возвращения, скажи им кротко и милостиво, ибо от Моего лица говорить будешь: «Возвращайтесь на небо, не страшитесь, Отец вас любит и ждет».

Горько и даже ядовито усмехнулся обиженный ангел, но сделал скромный вид и, потупив хитрые глаза,

ответил:

– Я уж им говорил. Не хотят.

– Чего не хотят?

– Возвращаться на небо.

– Боятся? Скажи, что Я им дам новые одежды.

– Нет. Не хотят. Они так говорят, Отец: «Вот мы пойдём на небо и снова оденем белые одежды, а как же те, которые останутся? Если идти, так уж всем, а одни мы не пойдём».

Задумался Всеблагий и думал долго. Наконец сказал:

– Так вот какова земля. Вижу я бессилие Моих ангелов и начинаю думать так: не пойти ли Мне самому на землю?

Ангел сказал:

– Они все давно зовут Тебя и ждут. Но прости за дерзость, Отец: если Ты Сам пойдешь на землю, то Ты и Сам сюда не вернешься.

Воскликнул Всеблагий:

– Но как же тогда Мое небо?! Оно станет пусто.

– Они говорят: тогда Твое небо будет на земле, и ни им, ни Тебе, ни людям страдающим не нужно будет иного неба. Так они говорят, и теперь я вижу, что они правы. Прощай, Отец, навсегда!

С этими словами вновь низринулся ангел на землю и навеки потерялся среди слез ее и крови. И в тя-

желой думе онемели небеса, пытливо смотря на маленькую и печальную землю – такую маленькую и такую страшную и непобедимую в своей печали. Тихо догорали праздничные кометы, и в красном свете их уже пустым и мертвым казался трон.

Храбрый волк

Шел по улице волк и всех прохожих бил хвостом. Хвост у него был щетинистый, твердый, как палка: и то мальчика волк ударит, то девочку, а то одну старую старушку ударил так сильно, что она упала и расшибла себе нос до крови. Другие волки хвост поджимают к ногам, когда ходят, а этот держал свой хвост высоко. Храбрый был волк, но и глупый тоже.

Вот посмотрел на него городской, как он старушку свалил, и говорит:

– Смотри, волк, будешь ты людей хвостом бить, я тебе хвост отрублю саблей. Зачем ты старушку ударил?

А волк соврал и говорит:

– Это она сама за мой хвост зацепилась. Разве ты не видишь, что она слепая? Эх ты, а еще городской!

А старушка и вправду была слепая. И на этот раз поверил городской. А волк засмеялся, зубы оскалил и думает: «Вот как я его здорово обманул, черт побери». Это у него такая дурная привычка была ругаться: черт побери.

Ну, пошел волк дальше и опять всех хвостом бьет. Одного человека ударил, другого ударил. Увидел старого старика, и его ударил прямо под коленки. А в ру-

ках у старика была корзинка с яйцами; упал он и все яйца разбил, так они и потекли, и желток и белок. Стоит старик и плачет, а волк-то хохочет:

– Черт побери! Вот так яичница!

Но только теперь городской и сам хорошо все видел и рассердился страшно:

– Нет, волк, обманул ты меня раз, а теперь не обманешь, видел я, как ты старичка свалил. Давай-ка хвост!

Поточил свою саблю о камень – чирк! чирк! – и отрубил волку хвост, а чтобы кровь не текла, залепил английским пластырем. Заплакал волк и побежал домой, но хвоста у него нет, и такой он без хвоста смешной: смотрят все и смеются. А городской хвост спрятал и потом сделал из него щетку, чтобы чистить стекла у ламп.

Прибежал волк домой и думает, что жена его пожалеет. А жена как увидела, что у него хвоста нет, как закричит:

– Ты куда же это хвост свой девал?

А волчатки маленькие прыгают кругом и хохочут:

– Наш папа хвост потерял!

Они были маленькие и думали, что хвост можно потерять – чудачки. Видит волк, что дело плохо и никто его не жалеет, рассердился и стал кричать:

– Черт побери! Мой хвост, а не ваш, куда хочу, туда

и деду. Вы почему знаете, может быть, я его нищему подарил? Я ведь добрый.

Он и тут хотел соврать – такой хитрый волк. Но только жена ему не поверила, хорошо знала, какой он, и рассердилась. Рассердилась и позвала лысого судью, пусть судья рассудит, имеет волк право отдавать свой хвост, кому захочет, или нет. Пришел лысый судья и спрашивает:

– А что, волк женатый человек или холостой?

– Женатый, – ответила волчиха.

– А на ком он женат?

– На мне.

– А дети у него есть?

Тут волчатки запрыгали и кричат:

– Мы его детки, а он наш папа.

Тогда начал лысый судья думать и, чтобы легче было думать, стал на голову вверх ногами. Он говорил, что, когда он так стоит, у него все мысли от ног притекают в голову. Оттого и лысый-то он был, что всегда на голове стоял и все волосы на голове повытер. Думал он, думал, стоял он, стоял, очень долго, два дня. Даже лицо сделалось красное, как арбуз. Потом встал, вытер лысину тряпкой и говорит:

– Так как волк человек женатый, то только одна половина хвоста принадлежит ему, а другая половина принадлежит жене его и детям. Покажи, волк, сколько

у тебя от хвоста осталось.

Показал волк, и все так и ахнули: всего-то от хвоста осталось один вершочек, не больше. Покачал судья лысой головой и решил так:

– Должен ты, волк, пойти к доктору, и пусть он пришьет тебе новый хвост. А ты, волчиха, смотри, хороший ли будет хвост и крепко ли он будет пришит. Самое лучшее будет, если ты потом сама еще приколешь английской булавкой.

И все остались очень довольны, как решил лысый судья. Даже сам волк – и тот остался очень доволен. Ему, правда, без хвоста было очень неудобно: ни пыль подтереть нельзя, когда хочет сесть наземь, ни муху согнать. Да и так очень некрасиво без хвоста. Ну, побежал волк к доктору, запыхался даже; позвонился и ждет. Вышел доктор, надел большие очки и спрашивает:

– Что у вас болит, господин волк?

Так и так: рассказал ему волк, как было дело. Взял доктор трубку и говорит:

– Отверните немного шерсть на груди, я вас выслушаю.

– Черт побери! – сказал волк, – да чего же меня слушать, когда и так видно, что у меня хвоста нет. Разве у меня в животе музыка играет, что вы будете меня в трубку слушать?

Рассердился очень.

Но доктор покачал головой и говорит:

– Ах, какой вы, волк, нетерпеливый. Может быть, у вас в животе что-нибудь испортилось, надо же мне послушать.

Нечего делать: пришлось волку на спину лечь и лапки поднять, пока выслушивал его доктор. В животе у волка оказалось все хорошо. Потом взял доктор большой железный молоток и постучал по голове – и в голове у волка оказалось все в порядке.

– Теперь я вижу, волк, вам оттого нехорошо, что у вас хвоста нет, – сказал доктор.

– Черт побери! Я же давно прошу вас, доктор, пришлите мне хвост.

Стал доктор думать, в книгу посмотрел. И так как был он очень глупый человек, то и придумал такую вещь:

– Вот что, волк. Запасного хвоста у меня нет, а дайте я вам пришью утюг.

– Что? – закричал волк.

– Ну да, утюг. Большой, горячий утюг. Вам будет так очень удобно, можно будет даже белье гладить. И красиво очень.

Согласился волк: очень ему понравилось, что даже можно будет гладить белье. Но только, как пришел ему доктор утюг горячий, вышло совсем нехорошо.

шо: идет волк по улице, а утюг горячий ему ноги так и обжигает. Побежал волк, а утюг горячий по ногам его бьет и так по камням стучит, как будто целый полк солдат идет. И все, как увидят волка с утюгом вместо хвоста, так и начинают смеяться: городской смеется, лошади смеются, собаки смеются. И кошки, даже те повылезли на крышу и тут хохочут. Один маленький беленький котенок так хохотал, что даже закашлялся, насилу его отпоили молоком.

«Вот так штука, черт побери! – думает волк про себя. – Был я молодец лучше всех, а теперь даже котята, и те смеются надо мною».

Устал он – утюг-то был очень тяжелый, пять фунтов, – и хотел сесть отдохнуть, да прямо на горячий утюг и сел. Как вскочит, как закричит:

– Ай, батюшки! Ай, матушки! Обжегся!

И опять побежал. А дома и того хуже. Волчатки хотели было папин новый хвост потрогать и тоже обожглись и заплакали. Волчиха даже завывала с горя и говорит:

– Ну и дурак же ты, волк. Да разве это хвост? Ступай опять, и до тех пор не приходи, пока хорошего хвоста не принесешь.

И волчатки, и те плачут от обжога и кричат:

– Наш папа дурак!

Рассердился волк и всех их в угол поставил, в каж-

дый угол по одному волчонку, а пятого в пустую комнату запер. А потом нанял за 20 копеек извозчика и поехал к новому доктору. Но только и этот доктор был тоже очень глупый человек и придумал такую вещь:

– Вот что, волк. Утюг вам не годится, а давайте я вам пришью комод.

– Что? – закричал волк.

– Ну да, комод. Большой комод с пятью ящиками. Вам будет очень удобно, можно белье в него класть. И очень красиво.

И пришел ему доктор большой деревянный комод. Идет волк по улице и насилу комод тащит: такой он тяжелый. Запыхался волк, запотел и думает: «А хорошо было бы, если этот комод оторвался», но только доктор очень крепко пришил, – не отрывается. Тарахтит сзади него по мостовой, как будто целый воз едет. И стали все над волком смеяться: городской смеется, лошади смеются, собаки заливаются, хохочут. А дома жена его прогнала и даже не дала ничего поесть, а в тот день у них была манная каша, котлеты и желе – все очень вкусно. И думает волк про себя, сидит у дверей и думает:

«Что же я теперь делать буду? Ведь я так, не кушавши, и захворать могу. Хоть бы желе только покушать, одну ложечку, черт побери!»

Услыхал это один волчонок и взял на лапке при-

нес ему желе.

– На, папочка, кушай, только не простудись, холодное очень, а ты запотел.

Съел волк желе, поцеловал своего милого волчонка, нанял большую подводу, лег на нее вместе с комодом и поехал к новому доктору:

– Что же вам, волк, пришить? – спрашивает доктор. – Хотите, я вам самовар пришью? Удобно очень чай пить.

Испугался волк и кричит:

– Опять горячий! Нет, ничего я не хочу горячего, черт побери! Пришейте мне что-нибудь, но только такое, чтобы не было оно ни горячее, ни тяжелое, ни смешное.

Такую загадку доктору загадал. Но этот доктор был очень умный человек и придумал такую вещь:

– Давайте, волк, я вам зонтик пришью.

И пришил ему зонтик большой. Идет волк по улице, зонтик распустил, и такой важный, ни на кого смотреть не хочет. А в это время дождь был, и все мокрые, один только волк сухой. Смотрят на него все и удивляются:

– Какой волк-то умный. Все мы мокрые, а один он сухой.

Особенно кошки ему завидовали: они очень боятся воды и, когда идет дождь, должны сидеть дома, и погулять не приходится. Встретил волка лысый судья и

тоже похвалил его:

– Молодец, волк, совсем теперь стал, как генерал.

А волк-то важничает, а волк-то важничает. Взял папиросу в зубы и говорит лысому судье:

– Нет ли у вас спички? Я курить хочу.

Но только на самом деле он не умел курить. И как только зажег папиросу, так начал кашлять, чихать, из глаз слезы идут, – смешно смотреть на него. Покачал головой лысый судья, засмеялся тихонько и говорит:

– Что же это вы, волк, – курить не умеете, а папиросу в рот берете.

Волк покраснел, но и тут сознаться не захотел, а взял и опять соврал:

– Черт побери! Это оттого, что я папиросу взял в рот не тем концом.

Ну и дома все очень обрадовались, что у волка такой хороший новый хвост. Волчиха, так та даже заплакала от радости: сидит, лапами морду утирает, а слезы так и льются, целая лужа на полу натекла, ноги промочить можно, если без калош. А волчатки прыгают и кричат весело:

– Какой наш папа умный! Ни у кого такого хвоста нет, как у нашего папы.

Потом волчиха дала волку хорошо покушать. И так как был он очень голоден, то съел три тарелки каши и десять котлет. А желе ему не досталось: все его детки

поели. И когда накушался волк, вытер салфеткою рот, волчиха и говорит ему:

– Пойдем, волк, в гости к тете Саше. Пусть все на улице видят, какой у тебя хороший хвост.

– Хорошо, пойдем, – ответил волк. – Теперь могу и в гости, черт побери!

Надела волчиха большую шляпу с лентами, а волчаткам надела на ноги глубокие калоши, потому что после дождя была грязь. Сами же они с волком всегда босые ходили, даже зимою.

Вот идут они по улице и важничают. Тут как раз солнышко из-за туч вышло, и так стало жарко, что просто невозможно. Все и собаки и волки языки повысунули до самой земли и жалуются.

– Вот как жарко! Мочи моей нету!

А храбрый волк взял и распустил зонтик, и все под ним спрятались от солнца – и волчиха, и волчатки, и стало им очень прохладно, как в лесу.

Смотрят на них все и нахвалиться не могут:

– Ведь вот говорили, что волк дурак, а он самый умный, его губернатором надо сделать. Хвост-то какой хороший.

А они-то важничают, а они-то величаются! И опять волк для красоты папиросу в зубы взял, но так как настоящей папиросы с огнем боялся, то взял шоколадную. Только вдруг откуда ни возьмись поднялась силь-

нейшая буря, прямо ураган, и такой подул ветер, что закружились по земле пыль, сухие листья и бумага. И как подул ветер под большой зонтик, так полетел зонтик вверх и волка за собой потащил через крышу, прямо к облакам.

Волк даже глаза вытаращил от удивления и думает: «Вот так штука, черт побери! А я и не знал, что умею летать, только мне это совсем не нравится».

Волчиха задрала кверху голову и кричит:

– Волк, волк, куда же ты летишь?

– А я почему знаю? – ответил бедный волк.

Глупые же волчатки обрадовались, прыгают и кричат весело:

– Наш папа вороною стал! Наш папа летать умеет! Какой наш папа храбрый!

Так волк и улетел за облака, а куда – неизвестно. Вздохнула волчиха и говорит волчаткам:

– Молчите, детки. Это не от храбрости ваш папа полетел, а оттого, что хвост у него такой противный. И вы думайте почаще, чтобы поскорее вернулся к нам наш папа. А то без него очень будет скучно.

Так в гости к тете Саше они и не пошли. Вернулись домой и легли спать, и пока не заснули, все думали: «Куда-то полетел наш папа?»